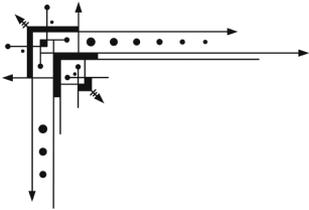

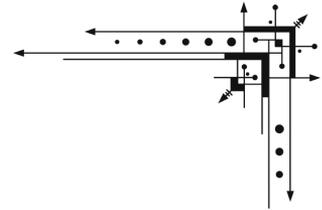
Часть I

ТОМ 1

Глава I У МОЕГО БРАТА

События, о которых я сейчас вспоминаю, относятся к давно минувшим дням, к моей далекой юности.

Уже больше двух десятков лет зовут меня «дедушкой», но я совсем не ощущаю себя старым; мой внешний облик, заставляющий уступать мне место, поднимать оброненную мною вещь, так не гармонирует с моей внутренней бодростью, что я конфужусь всякий раз, когда люди выказывают такое почтение моей седой бороде.

Было мне лет двадцать, когда я приехал в среднеазиатский большой торговый город погостить к брату, капитану М-ского полка. Жара, ясное синее небо, дотоле мною невиданное; широкие улицы с тенистыми аллеями из высочайших развесистых деревьев посередине поразили меня своей тишиной. Изредка проедет шагом на осле купец на базар. Пройдет группа женщин, укутанных в черные сетки и белые или темные покрывала, подобно плащу скрадывающие формы тела.

Улица, на которой жил брат, была не из главных; от базара далеко, и тишина на ней стояла почти абсолютная. Брат снимал небольшой дом с садом; жил в нем один со своим денщиком и пользовался лишь двумя комнатами, а три остальные поступили всецело в мое распоряжение.

Окна одной из комнат брата выходили на улицу; туда же смотрели два окна той комнаты, что я облюбовал себе как спальню и которая носила громкое название «зала».

Брат мой был человеком очень образованным. Стены комнат снизу доверху были заставлены полками и шкапами с книгами. Библиотека была прекрасно подобрана, расставлена в полном порядке и, судя по каталогу, составленному братом, обещала много радостей в новой для меня, уединенной жизни.

Первые дни брат водил меня по городу, базару, мечетям; временами я бродил один в огромных торговых галереях с расписными столбами и маленькими восточными ресторанами-кухнями на перекрестках; в толпе снующей, говорливой, пестро одетой в разноцветные халаты я словно бы оказался в Багдаде и все воображал, что где-то совсем рядом проходит Аладдин с волшебной своей лампой или бродит никем не узнаваемый Гарун-аль-Рашид. И восточные люди, с их величавым спокойствием или же, наоборот, повышенной экзальтированностью, казались мне загадочными и манящими.

Однажды, бродя рассеянно от лавки к лавке, я вздрогнул, как от удара электрического тока, и невольно оглянулся. На меня при-

стально смотрели совершенно черные глаза очень высокого, средних лет человека, с густой короткой черной бородой. А рядом с ним стоял юноша необычайной красоты, и его синие, почти фиолетовые глаза также пристально разглядывали меня.

Высокий брюнет и юноша, оба были в белых чалмах и пестрых шелковых халатах. Их осанка и манеры резко отличались от всего окружающего; многие из прохожих подобострастно им кланялись.

Оба они уже давно двинулись к выходу, а я все стоял как замороженный не в силах победить впечатление от этих чудесных глаз.

Опомнившись, я бросился за ними, но подбежал к выходу из галереи в тот самый момент, когда столь поразившие меня незнакомцы уже были в пролетке и отъезжали от базара. Молодой сидел с моей стороны. Оглянувшись, он чуть улыбнулся и сказал что-то старшему. Но густая пыль, которую подняли три осла, закрыла все, я больше ничего не мог видеть, да и стоять под отвесными лучами палящего солнца был больше не в силах.

«Кто бы это мог быть? — думал я, возвращаясь туда, где их встретил. Я несколько раз прошел мимо лавки и наконец решился спросить хозяина:

— Скажите, пожалуйста, кто эти люди, которые только что были у вас?

— Люди? Люди много ходила сегодня мой лавка, — хитро улыбаясь, сказал он. — Только твой, верно, не люди хочет знать, а один высокий черный люди?

— Да, да, — поспешил я согласиться. — Я видел высокого брюнета и с ним красавца юношу: кто они такие?

— Они наша большой, богатый помещики. Виноградники, — ой-я, — виноградник! Ба-а-льшой торговля ведет с Англия.

— Но как же его зовут? — продолжал я.

— Ой-я, — засмеялся хозяин. — Вся горьшь, знакомиться хочешь? Он — Мохаммед Али. А молодой — Махмуд Али.

— Вот как, оба Магометы?

— Нет, нет, Мохаммед только дядя, а племянник — Махмуд.

— Они здесь живут? — продолжал я спрашивать, рассматривая шелка на полках и соображая, что бы такое купить, чтоб только выиграть время и вывести еще что-нибудь о поразивших меня незнакомцах.

— Что смотришь? Халат хочешь? — подметив мой парящий взгляд, спросил хозяин.

— Да, да, — обрадовался я предлогу. — Покажите, пожалуйста, мне халат. Я хочу сделать подарок брату.

— А кто твой брат? Какой ему вкус?

Я понятия не имел, какие халаты могут нравиться брату, так как ни в чем другом, как в кителе или пижаме, пока еще не видел его.

— Мой брат — капитан Т., — сказал я.

— Капитан Т.? — вскричал с восточным азартом купец. — Я его хорошо знаю. Ему уже есть семь халатов. На что ему еще?

Я был смущен, но, скрыв свое замешательство, храбро сказал:

— Он их все раздарил.

— Вот как! Наверное, друзьям в Петербурге посылал. Ха-а-роший халаты покупал! Вот, смотри, Мохаммед Али для своя племянница велел прислать. Ой-я, халат! — И купец достал из-под прилавка чудесный розового тона халат с серовато-лиловыми матовыми разводами.

— Такой мне не подойдет, — сказал я.

Купец весело рассмеялся:

— Конечно, не подойдет; это женская халат. Я тебе дам вот — синий. — И с этими словами он развернул на прилавке великолепный фиолетовый халат.

Халат был несколько пестроват; но тон его, теплый и мягкий, мог понравиться брату.

— Не бойся, бери. Я всех знаю. Твой брат — приятель Али Мохаммед. Мы не можем продавать его приятелю плохо. Твой брат — ха-а-роший человек! Сам Али Мохаммед его почитает.

— Да кто же он, этот Али?

— Я же сказал — большая важная купец. Персия торгует и Россия тоже, — ответил хозяин.

— Не похоже, чтобы он был купец. Он, наверное, ученый, — возразил я.

— Ой-я, ученый! Ученый он есть такой, что и у твоя брат все книги знает. Твоя брат тоже ба-а-льшой ученый.

— А где живет Али, вы не знаете?

Купец бесцеремонно ударил меня по плечу и сказал:

— Ты, видать, здесь мало живешь. Али дом — напротив твой брат дом.

— Напротив дома брата очень большой сад, обнесенный высокой кирпичной стеной. Там всегда мертвая тишина, и даже ворота никогда не открываются, — сказал я.

— Тишина-то тишина. А вот сегодня будет не тишина. Приедет сестра Али Махмуд. Будет сговор, пойдет замуж. Если ты сказал, Али Махмуд красавец, — ой-я! Сестра — звезда с неба! Косы до пола, а глаза — ух! — Купец развел руками и даже захлебнулся.

— Как же вы могли видеть ее? Ведь по вашему закону покрывала нельзя снимать перед мужчинами?

— Улица нельзя. У нас и в дом нельзя. А у Али Мохаммед все женщины дома ходит открыта. Мулла много раз говорил, да перестал. Али сказал: «Уеду». Ну, мулла и молчит пока.

Я простился с купцом, взял попку и пошел домой. Шел я долго; где-то свернул не в ту сторону и с большим трудом отыскал наконец свою улицу. Мысли о богатом купце и его племяннике путались с мыслями о небесной красоте девушки, и я не мог решить, какие же у нее глаза: черные, как у дяди, или фиолетовые, как у брата?

Я шел, глядя под ноги, и внезапно услышал: «Левушка, да где же ты пропадал? Я уже собирался было тебя искать».

Милый голос брата, заменявшего мне всю жизнь и мать, и отца, и семью, был полон юмора, как и его сверкающие глаза. На слегка загорелом, гладко выбритом лице блестели белые зубы, а еще яркие, красиво очерченные губы, золотые вьющиеся волосы, темные брови... Я впервые разглядел, как красив он, мой брат. Я гордился и восхищался им всегда; а сейчас, точно маленький, ни с того ни с сего бросился ему на шею, расцеловал в обе щеки и сунул ему в руки халат.

— Это тебе халат. А твой Али причиной, что я совсем оторопел и заблудился, — сказал я со смехом.

— Какой халат? Какой Али? — с удивлением спросил брат.

— Халат номер 8, который я тебе купил в подарок. А Али номер 1, твой друг, — ответил я, все продолжая смеяться.

— Ты напоминаешь маленького упряма Левушку, который любил всех озадачивать. Вижу, что любовь к загадкам все еще жива в тебе, — улыбаясь своей широкой улыбкой, необычайно изменявшей его лицо, сказал брат. — Ну, пойдем домой, не век же нам стоять тут. Хотя никого и нет, но я не поручусь, что где-нибудь тайком, из-за края занавески, на нас не смотрит любопытный девичий глаз.

Мы двинулись было домой. Но внезапно чуткое ухо брата различило вдали цоканье конских копыт.

— Подожди, — сказал он, — едут.

Я ничего не слышал. Брат взял меня за руку и заставил остановиться под огромным деревом, как раз напротив закрытых ворот того тихого дома, в котором, по словам купца из торговых рядов, жил Али Мохаммед.

— Возможно, что сейчас ты увидишь нечто поразительное, — сказал мне брат. — Только стой так, чтобы нас не было видно ни из дома, ни со стороны дороги.

Мы стояли за огромным деревом, где могли бы укрыться еще два-три человека. Теперь уже и я различал топот нескольких лошадей и шум колес на мягкой немощенной дороге.

Через несколько минут распахнулись настежь ворота дома Али, и дворник вышел на дорогу. Оглядевшись, он махнул кому-то в сад и остановился в ожидании.

Первой шла простая телега. В ней сидели две укутанные женские фигуры и трое детей. Все они утопали в массе узлов и картонок, а сзади был привязан небольшой сундук. Вслед за ними, в какой-то старой бричке, ехал старик с двумя элегантными чемоданами. И, наконец, на довольно большом расстоянии, очевидно оберегаясь от дорожной пыли, двигался экипаж, который пока нельзя было рас-

смотреть. Между тем телега и бричка въехали в ворота и исчезли в саду.

— Смотри внимательно, но молчи и не двигайся, чтобы нас не заметили, — шепнул мне брат.

Экипаж приближался. Это была изящная пролетка, запряженная прекрасным вороным конем, и в ней сидели две женщины с закрытыми черной сеткой лицами.

Из ворот дома вышел Али Мохаммед, весь в белом, и за ним, в такой же длинной белой одежде, Али Махмуд. Глаза Али старшего, почудилось мне, пронзили насквозь дерево, за которым мы спрятались, и мне даже показалось, что по губам его скользнула едва уловимая усмешка. Меня даже в жар бросило; я прикоснулся к брату, желая сказать: «Мы открыты», но он приложил палец к губам и продолжал пристально смотреть на приблизившийся и остановившийся экипаж.

Еще через мгновение Али старший подошел к экипажу, и ... маленькая белая очаровательная женская ручка подняла покрывало с лица. Я видел женщин, признанных красавиц, на сцене и в жизни, но сейчас впервые понял, что такое женская красота.

Другая фигура что-то визгливо выговаривала Али старческим голосом, а девушка смущенно улыбалась и уже готова была вновь опустить на лицо покрывало. Но Али сам небрежно сбросил его ей на плечи, и, к великому негодованию старухи, на свет показались темные кольца непослушных волос. Не обращая внимания на визгливые выговоры, Али поднял бросившуюся ему на шею девушку и, как ребенка, понес ее в дом. Между тем Али-молодой почтительно высаживал все еще ворчавшую старуху.

Серебристый смех девушки доносился из открытых ворот. Уже и старуха с молодым Али скрылись, и пролетка въехала в ворота, и ворота закрылись... А мы все еще стояли, забыв место, время, забыв, что хотелось есть, жару и все приличия.

Обернувшись к брату, чтобы поделиться с ним своим восторгом, я был просто потрясен. Всегда улыбающееся лицо его было совсем бледно, серьезно и даже сурово. Его си-

ние глаза как-то потемнели. Это было лицо совершенно неизвестного мне человека. Даже брови изменили свою обычную форму и были строго сдвинуты в почти сплошную прямую линию. Я не мог опомниться, все смотрел на это чужое, незнакомое мне лицо.

— Ну что же, понравилась ли вам моя племянница Наль? — вдруг услышал я над собой незнакомый металлический голос.

Я вздрогнул — от неожиданности не понял даже вопроса — и увидел перед собою высоченную фигуру Али-старшего, который, смеясь, протягивал мне руку.

Машинально я взял эту руку и почувствовал какое-то облегчение; даже из груди у меня вырвался вздох, и по руке пробежала теплая струя энергии. Я молчал. Мне казалось, что еще никогда не держал я в своей руке такой ладони. С усилием оторвались мои глаза от прожигающих глаз Али Мохаммеда, и я посмотрел на его руки. Они были белы и нежны, точно к ним не мог пристать загар. Длинные, тонкие пальцы кончались овальными, выпуклыми, розовыми ногтями. Вся рука, узкая и тонкая, артистически прекрасная, все же говорила об огромной физической силе. Казалось, глаза, мечущие искры железной воли, находились в полной гармонии с этими руками. Можно было легко представить, что в любую минуту, стоит Али Мохаммеду сбросить мягкую белую одежду, взять меч в руку — и увидишь воина, разящего насмерть.

Я забыл, где мы, зачем мы стоим посреди улицы, и не могу сейчас сказать, как долго держал Али мою руку. Я будто стоя заснул.

— Ну, пойдем же домой, Левушка. Отчего ты не благодаришь Али Мохаммеда за приглашение? — услышал я голос брата.

Я опять не понял, о каком приглашении говорит мне брат, и пролепетал какое-то невнятное прощальное приветствие улыбающемуся мне высокому и стройному Али. Брат взял меня под руку, я невольно двинулся в ногу с ним. Робко взглянув на него, я снова увидел родное, близкое с детства, знакомое лицо любимого брата Николая, а не того чужого человека под деревом, вид которого так

меня поразил и глубоко расстроил. Привычка с детства видеть опору, помощь и покровительство в брате, привычка, создавшаяся в те дни, когда я рос только в его обществе, обращаться со всеми жалобами, огорчениями и недоразумениями к брату-отцу как-то вдруг выскочила из глубины моего сердца, и я сказал жалобным тоном:

— Как мне хочется спать; как я устал, точно прошел верст двадцать!

— Очень хорошо, сейчас пообедаем, и можешь лечь часа на два. А потом пойдем в гости к Али Мохаммеду. Он здесь почти единственный ведет европейский образ жизни. Дом его прекрасно и с большим вкусом обставлен. Очень элегантная смесь Азии и Европы. Женщины его семьи образованны и ходят дома без паранджи, и это целая революция для здешних мест. Много уж раз ему угрожали муллы и другие высокопоставленные религиозные фанатики за нарушение местных обычаев всяческими гонениями. Но он все так же ведет свою линию. Все, до последнего слуги, в его доме грамотны. Слугам предоставляются часы полного отдыха и свободы среди дня. Это здесь тоже революция. И я слышал, что против него теперь собираются поднять религиозный поход. А в здешних диких краях это вещь страшная.

Разговаривая, мы пришли к себе, умылись в ванной комнате, устроенной прямо в саду из циновки и брезента, и уселись у давно накрытого стола обедать. Хороший освежающий душ и вкусный обед вернули мне бодрость. Брат весело смеялся, журил меня за рассеянность и рассказывал всевозможные комические сценки, которые ему приходилось наблюдать в здешнем быту, восхищался сметливостью русского солдата и его остроумием. Редко восточная хитрость торжествовала над русской пронизательностью, восточный торговец зачастую жестоко расплачивался за свой обман. Солдаты придумывали такие трюки, чтобы наказать обманщика, такой смешной фарс разыгрывали над торговцем, совершенно уверенным в своей безнаказанности, что любой режиссер мог бы позавидовать их фантазии. Надо сказать, что злых шу-

ток солдаты никогда не проделывали, но комические положения, в которые попадал обманщик, надолго отучали его от привычки к надувательству.

Так незаметно за разговором мы кончили обедать, и желание поспать у меня улетучилось. Мне вздумалось попросить брата примерить подаренный ему халат. Сбросив китель, брат надел халат. Глубокий фиолетовый тон как нельзя больше шел к его золотым волосам и загорелому лицу. Я им невольно залюбовался. Где-то в глубине мелькнула завистливая мысль: «А мне никогда красавцем не бывать».

— Как удачно ты это купил, — сказал брат. — Халатов у меня, правда, много, но их я уже надевал, этот же мне нравится особенно. Ни на ком такого не видел. Непременно его надену вечером, когда пойдем в гости к соседу. Кстати, заглянем-ка в «туалетную», как важно зовет денщик гардеробную, и выберем для тебя халат.

— Как, — вскричал я с удивлением, — разве мы пойдем туда ряжеными?

— Ну зачем же «ряжеными»? Мы просто оденемся так, как будут одеты все, чтобы не бросаться в глаза. Сегодня у Али будут не только друзья, но и немалое количество врагов. Не станем же мы дразнить их европейским платьем.

Однако когда брат открыл большой шкаф, в нем оказалось не восемь, а десятка два всевозможных халатов из разных материй. Я даже вскрикнул от удивления.

— Тебя поражает это количество? Но ведь здесь носят сразу семь халатов, начиная с ситцевого и кончая шелковым. Кто богаче, носят три-четыре шелковых; кто беден, только ситцевые, но непременно надевают сразу несколько, друг на друга.

— Мой Бог, — сказал я, — да ведь в эту жару, напялив несколько халатов, можно почувствовать себя в жерле Везувия.

— Это только так кажется. Тонкая материя не тяжела, а надетая одна на другую не дает возможности солнечным лучам сжигать тело. Вот попробуй облачиться в эти два халата. Ты увидишь, что они невесомы и даже холодят, —

сказал брат, протягивая мне два белых, очень тонких шелковых халата. — Очень уж истово, как полагается по здешнему обряду, мы одеваться не будем. Но по четыре халата наденем. Я очень тебя прошу, надень и походи, попривыкни. А то, пожалуй, вечером, по своей рассеянности, ты действительно будешь казаться «ряженым» и сконфузишь нас обоих, — продолжал брат, видя, что я все еще держу в нерешительности поданные мне халаты в руках.

Не особенно горя желанием облачиться в восточный наряд, но никак не желая огорчить любимого брата, я быстро разделся и стал натягивать халаты.

— Но они узки, какие же это халаты? Это нелепые перчатки, — закричал я, начиная раздражаться.

— Их надо застегнуть, вот здесь крючок, а здесь пуговица, — сказал спокойно брат и легкими, гибкими пальцами сам застегнул на мне халаты.

— Теперь, Левушка, успокойся и надень этот зеленый халат; он пошире, его тоже надо застегнуть. В нем есть и карманы. А сверху надень еще этот широкий, серый с красными разводами, — и опять он очень ловко помог мне одеться.

— Да, и обувь еще, — сказал он. — У Али принят полуазиатский туалет, так что и мы с тобой можем явиться в европейских туфлях, но сверх них надо надеть кожаные калоши, которые оставляются у дверей. Иначе придется идти в одних чулках. Ни в мечеть, ни в дом не входят в уличной обуви.

Мы выбрали калоши мне по ноге, их тоже оказалось у брата несколько пар.

— Пройдем в спальню, там выберем тебе чалму.

— Как чалму? На кого же я буду похож? Я и так-то красой не блещу! Помилуй, Николушка, иди уж лучше один, — взмолился я.

Брат расхохотался:

— Да ведь покорять сердце прелестной племянницы Али ты не собираешься? А из твоих приятельниц или приятелей никто тебя не увидит. Чего же тебе огорчаться, если восточный туалет тебя не украсит? Впрочем, — прибавил он, подумав, — если хо-

чешь, я смогу сделать тебя неузнаваемым. Я тебе приклею длинную седую бороду, и ты сможешь сойти за важного купца.

— Еще того чище! — воскликнул я. — Да этак, пожалуй, мне придется вспомнить, что меня считают неплохим любителем-актером!

— Если ты сумеешь сегодня сыграть роль хромого старика, то, пожалуй, увидишь очень интересные и не совсем обычные вещи. Но вот жаль, у меня нет второй белой чалмы, чтобы сделать тебе белый тюрбан.

В эту минуту раздался легкий стук в дверь. Брат подошел к двери, и я услышал его приятно удивленное восклицание:

— Это вы, Махмуд! Войдите. Я как раз занят нарядом брата к вечеру. Хочу сотворить из него старого купца с седой бородой.

— А я принес белую чалму и камень. Дядя просит вашего брата принять их как подарок от Наль в день ее совершеннолетия, — и он подал мне сверток и футляр.

— А это вам от Наль, — и он подал брату два свертка и два футляра. — Не забудьте, что вам нужно хромать на левую ногу и крепко опираться на палку правой рукой. А левой почаще гладить бороду, если вы хотите сыграть роль старого купца. У меня есть такой знакомый в Б., очень важный человек, — говорил мне Али-молодой. Он улыбался, алые прелестные губы обнажали чудные зубы, а фиолетовые его глаза пристально, не по летам серьезно смотрели на меня. Кивнув нам головой и приложив, по восточному обычаю, руку ко лбу и сердцу, Али так же бесшумно скрылся, как и вошел.

Я развернул свой сверток, и оттуда выпал кусок тончайшей белой материи. Любопытство мое было так возбуждено, что, даже не подобрав упавшего шелка, я раскрыл футляр, и у меня вырвалось восклицание восторга и удивления. Прекрасной работы брошь с крупным выпуклым рубином и несколькими бриллиантами, перевитая змеей из темного золота и жемчуга, сверкала в полутемной комнате, и я не мог оторвать от нее глаз.

Брат поднял оброненную мною материю и, рассматривая булавку вместе со мною, сказал:

— Али-старший посылает тебе от имени племянницы белую чалму — эмблему силы; и красный рубин — эмблему любви. Этим он причисляет тебя к своим друзьям.

— А что же он тебе посылает? — любопытствовал я.

Брат развернул сверток побольше, и в нем оказался тончайший белый халат из никогда не виданной мною материи, похожей на белую замшу, но по тонкости равной папиросной бумаге. К нему была приложена записка на арабском языке, которую брат спрятал, не читая, в карман. Во втором свертке была такая же чалма, как моя, только в самом ее начале синим шелком, арабскими буквами, была выткана во всю ширину чалмы, — а она была чрезвычайно широка, — какая-то фраза. Я мало обратил внимания и на записку, и на арабскую фразу, мне хотелось скорее увидеть содержимое футляров брата.

«Если мне он шлет привет силы и любви, то что же он посылает Николушке?» — думал я.

Наконец брат свернул осторожно свою чалму, спрятал ее в ящик бюро и открыл футляр побольше. Оттуда сверкнули крупные бриллианты в форме треугольника, внутри которого овальной формы выпуклый изумруд сиял голубовато-зеленым светом. В маленьком футляре оказался перстень с таким же овальным выпуклым изумрудом в простой платиновой оправе.

— Вот так совершеннолетие Наль! — почти закричал я. — Если всем своим друзьям Али рассылает в этот день такие подарки, то, уж наверное, половину своего виноградника, который так расхваливал мне купец в торговых рядах, он раздаст сегодня. И зачем мужчинам эти брошки? Это чудесные украшения для женщин, но ведь Али знает, что мы с тобой не женаты.

— Этими булавками мы заколем наши чалмы над самым лбом. Огромная честь получить такую булавку в подарок; и ее далеко не всем оказывают на Востоке, — ответил брат. — Али живет здесь лет десять; сам он родом откуда-то из глубин Гималаев, и все

восточные обычаи гостеприимства и уважения к дружбе чтятся в его доме.

Время быстро летело. Сумерки уже сгустились, и вскоре должна была наступить мгновенно опускающаяся здесь ночь.

— Пора начинать твой грим, а то мы можем оказаться невежливыми и опоздать. — С этими словами брат выдвинул ящик бюро, и... я еще раз обмер от удивления.

— Ну и ну, — сказал я. — Почему же ты ни разу не писал мне, что играешь в любительских спектаклях? — Весь ящик был полон всяческого грима, бород, усов и даже париков.

— Нельзя же все написать, а еще менее возможно все рассказать в несколько дней, — усмехаясь, ответил брат.

Он посадил меня в кресло и, как заправский гример, приклеил мне бороду и усы, протерев предварительно все лицо какой-то бесцветной жидкостью с очень приятным запахом, освежившей мое горевшее от непривычного солнца лицо. Коричневым карандашом он провел под моими глазами два-три легких штриха. Какой-то жидкостью перламутрового цвета прикоснулся к моим густым темным бровям. Смазал каким-то кремом губы и сказал:

— А теперь чуть-чуть подравняю твои кудри, чтобы черные волосы не выбились из-под чалмы. Садись сюда. — И с этими словами он усадил меня на табурет.

Мне, признаться, жаль было моих вьющихся волос, которые я справедливо считал единственным своим козырем. Но в жару так приятно иметь коротко стриженную голову, что я сам попросил остричь меня под машинку. Вскоре голова была острижена, и я хотел встать с табурета.

— Нет, нет, сиди, Левушка. Я сейчас обовью твою голову чалмой.

Я остался сидеть, брат развернул чалму, оказавшуюся длиннее, чем я предполагал, беспощадно стал скручивать ее жгутом и довольно быстро, ловко, крепко, но без малейшего давления где-либо замотал всю мою голову.

— Голова готова; теперь ноги. Надевай эти длинные чулки и туфли, — сказал он, до-

став мне из картонной коробки в углу белые чулки и довольно простоватые на вид туфли.

Я все это надел и встал на ноги; но сразу почувствовал какую-то неловкость в левой туфле. Невольно я как-то припал на левую ногу, а брат услужливо сунул мне в правую руку палку.

— Теперь ты именно тот немой, глухой и хромой старик, которого тебе надо изобразить, — засмеялся брат.

Я разозлился. От непривычной бороды мне было жарко; жидкость, которой было смазано мое лицо, — вначале такая приятная, — сейчас отвратительно стягивала кожу; ноге было неудобно, и, вдобавок ко всему, я еще, оказывается, немой и глухой. Со свойственным мне нетерпением я хотел раскричаться и заявить, что никуда не пойду; и уже приготовился сорвать бороду и чалму, как дверь беззвучно отворилась и в ней появилась высоченная фигура Али-старшего.

Два агатовых глаза положительно парализовали меня. Чалма так плотно прикрывала мне уши, что я ровно ничего не слышал, о чем говорил он с братом. На нем был надет почти черный — так густ был синий цвет — халат; а под ним сверкал другой, яркий малиновый, плотно прилежавший к телу. На голове белая чалма и большая бриллиантовая брошь, изображавшая павлина с распущенным хвостом...

Приветливо и ласково улыбаясь, он подошел ко мне с протянутой рукой. Когда я подал ему руку, он пожал ее; и опять по всему моему телу пробежал ток теплоты, и на этот раз не сонной лени, а какой-то радости.

Али снял со своего пальца кольцо с красным камнем, на котором был вырезан лев в обрамлении каких-то иероглифов. Наклонившись к самому моему уху, он сказал:

— Это кольцо откроет вам сегодня все двери моего дома, куда бы вы ни захотели пройти. И оно же поможет вам, если когда-нибудь в жизни вы будете ранены и рана будет кровоточить.

Увлечшись кольцом, я не заметил, как рядом с Али выросла другая стройная, высокая фигура. Я даже не сразу понял, что именно

брат и стоит возле Али в подаренном ему мною сегодня фиолетовом халате. Я видел стройного восточного человека с сильно загорелым лицом, со светлой бородой и усами, на белой чалме которого сиял треугольник из бриллиантов и изумруда. Высок был мой брат. Но рядом с высоченным Али он казался среднего роста.

— Посмотри на себя в зеркало, Левушка. Я уверен, что себя ты тем более не узнаешь, — со смехом обратился ко мне брат, очевидно заметив мое полное недоумение.

Я двинулся к зеркалу, совершенно естественно хромая из-за неудобной левой туфли.

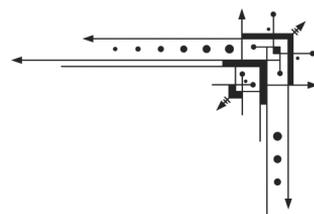
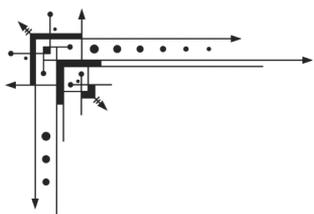
— Вы отличный артист, — едва улыбнувшись, сказал Али. Но вся его фигура выражала такой заразительный юмор, что я расхохотался.

Смеясь, я вдруг увидел в зеркале очень смуглого, чуть ли не черного хромящего старика. Я оглянулся и вдруг услышал такой взрыв веселого, раскатистого хохота Али и брата, что невольно обернулся и с удивлением посмотрел на них. Хохот их еще усилился; между тем я случайно еще раз взглянул в зеркало и снова увидел в нем смуглого араба-старика. С трудом я осознал, что этот черный старик — я.

Я поднес руку к глазам, убедился, что не сплю, и спросил брата, почему же я такой черный. Как это могло случиться? На мой вопрос он мне ответил:

— Это, Левушка, жидкость сделала свое дело. Но не тревожься. Завтра же ты будешь снова бел, еще белее, чем всегда. Другая такая же приятная жидкость смоет всю черноту с твоего лица.

— А теперь не забудьте, друг, что на весь этот вечер вы хромы, немые и глухи, — сказал, смеясь, Али. С этими словами он поправил на мне чалму, нахлобучив ее так, что теперь я уж и в самом деле не мог ничего слышать, но понял, что он предлагает мне взять его руку и идти с ним. Я посмотрел на брата, который успел привести комнату в полный порядок, он кивнул мне, и мы вышли на улицу.

Глава II

Пир у Али

На улице Али шел впереди, я в середине и брат мой сзади. Мое состояние от удушливой жары, непривычной одежды, бороды, которую я все трогал, проверяя, крепко ли она сидит на месте, неудобной левой туфли и тяжелой палки стало каким-то отупелым. В голове было пусто, говорить совсем не хотелось, и я был доволен, что по роли этого вечера я нем и глух. Языка я все равно не понимаю, и теперь мне ничто не будет мешать наблюдать новую незнакомую жизнь.

Мы перешли улицу, миновали ворота, по обыкновению крепко запертые, завернули за угол и через железную калитку, которую открыл и закрыл сам Али, вошли в сад. Я был поражен обилием прекрасных цветов, издававших сильный, но неодуряющий аромат. По довольно широкой аллее мы двинулись в глубину сада, теперь уже рядом, и подошли к освещенному дому. Окна были открыты настежь, и в большой длинной зале были расставлены небольшие, низкие круглые столики, придвинутые к низким же широким диванам, тянувшимся по обеим сторонам зала. Подле каждого столика стояло еще по два низких широких пуфа, как бы из двух сложенных крест-накрест огромных подушек. На каждом пуфе при желании можно было усесться повосточному, поджав под себя ноги.

Весь дом освещался электричеством, о котором тогда едва знали и в столицах. Али был яростным его пропагандистом, выписал машину из Англии и старался присоединить к своей довольно мощной сети своих друзей. Но даже самые близкие друзья не решались на такое новшество, только один мой брат да два доктора с радостью осветили свои дома электричеством.

Пока мы проходили по аллее, навстречу нам быстро вышел Али-молодой, а за ним

Наль в роскошном розовом халате, который я тотчас узнал, с откинутым назад богатейшим покрывалом. Не виданный мною прежде затканый жемчугом и камнями женский головной убор, перевитые жемчугом же темные косы лежавшие на плечах и спускавшиеся почти до полу; улыбающиеся алые губы, быстро говорившие что-то Али... Я хотел сдвинуть чалму, чтобы услышать голос девушки, но быстрый взгляд Али как бы напомнил мне: «Вы глухи и немые, погладьте бороду».

Я злился, но старался ничем не выказать своего раздражения и медленно стал гладить бороду, радуясь, что я хотя бы не слеп, по виду стар и могу рассматривать красавицу, любуясь ею безо всякой помехи. Девушка не обращала на меня никакого внимания. Но не требовалось быть тонким физиогномистом, чтобы понять, как занято ее внимание моим братом.

Теперь мы стояли на большой, со всех сторон обвитой незнакомой мне цветущей зеленью террасе. Яркая люстра светила как днем, так, что даже рисунок драгоценного ковра, в котором утопали ноги, был ясно виден.

Девушка среднего роста, тоненькая, гибкая! Крошечные белые ручки с тонкими длинными пальцами держали две большие красные розы, которые она часто нюхала, но мне казалось, что она старается таким образом скрыть свое замешательство. Ее глаза, громадные, миндалевидные зеленые, не похожи были на глаза земного существа. Можно было представить, что где-то у каких-нибудь высших существ, у ангелов или гениев, могут быть такие глаза. Но с представлением об обыкновенной женщине не вязались ни эти глаза, ни их выражение.

Али предложил мне сесть на мягкий диван, а девушка и Али-молодой сели напротив нас на большом мягком пуфе.

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе	5
-----------------	---

Часть I

ТОМ 1	9
Глава I. У моего брата	9
Глава II. Пир у Али	17
Глава III. Лорд Бенедикт и поездка на дачу Али	28
Глава IV. Превращение в дервиша	38
Глава V. Я в роли слуги-переводчика	44
Глава VI. Мы не доезжаем до К.	50
Глава VII. Новые друзья	60
Глава VIII. Еще одно горькое разочарование и отъезд из Москвы	75
Глава IX. Мы едем в Севастополь	79
Глава X. В Севастополе	89
Глава XI. На пароходе	96
Глава XII. Буря на море	104
Глава XIII. Незнакомка из каюты 1А	112
Глава XIV. Стоянка в Б. и неожиданные впечатления	121
Глава XV. Мы плывем в Константинополь	131
ТОМ 2	145
Глава XVI. В Константинополе	145
Глава XVII. Начало новой жизни Жанны и князя	153
Глава XVIII. Обед у Строгановых	169
Глава XIX. Мы в доме князя	181
Глава XX. Приезд Ананды и еще раз музыка	191
Глава XXI. Моя болезнь, Генри и испытание моей верности	203
Глава XXII. Неожиданный приезд сэра Уоми и первая встреча его с Анной	213
Глава XXIII. Вечер у Строгановых и разоблачение Браццано	233

Глава XXIV. Наши последние дни в Константинополе	244
Глава XXV. Обед на пароходе. Опять Браццано и Ибрагим. Отъезд капитана. Жулики и Ольга	259
Глава XXVI. Последние дни в Константинополе	277

Часть II

ТОМ 1	301
Глава I. Бегство капитана Т. и Наль из К. в Лондон. Свадьба	301
Глава II. О чем молился пастор. Дженни вспоминает	331
Глава III. Письма Дженни, ее разочарование и борьба	340
Глава IV. Важное событие в семье графа Т. На балконе у Наль. Завещание пастора	348
Глава V. Скачки	358
Глава VI. Болезнь и смерть пастора. Его завещание	366
Глава VII. Болезнь Алисы. Письмо Флорентийца к Дженни. Николай	384
Глава VIII. Чтение завещания в доме пастора	395
Глава IX. Второе письмо лорда Бенедикта к Дженни. Тендль в гостях у лорда Бенедикта в деревне	404
Глава X. Мистер Тендль держит слово. Генри Оберсвоуд. Приезд капитана Джеймса ...	415
Глава XI. Генри у лорда Бенедикта. Приезд капитана Ретедли. Поручение лорда Бенедикта	431
ТОМ 2	451
Глава XII. Дория, капитан и мистер Тендль в Лондоне	451
Глава XIII. Леди Цецилия Ретедли в деревне у лорда Бенедикта	464
Глава XIV. Джеймс Ретедли и Лиза у лорда Бенедикта	471
Глава XV. Дженни и ее жених. Свадьба Дженни	488
Глава XVI. Судебная контора. Мартин и князь Сенжер	507
Глава XVII. Мать и дочь. Джеймс и Ананда. Ананда и пасторша. Жизненные планы Николая и Дории	519
Глава XVIII. Вечер у лорда Бенедикта. Свадьба Лизы и капитана	535
Глава XIX. Жизнь Дженни и ее попытки увидеться с матерью и сестрой	547
Глава XX. Последние дни лорда Бенедикта и его друзей в Лондоне. Тендль. Исповедь и смерть Мартина. Еще раз музыка. Прощальные беседы	558
Глава XXI. Дженни и ее свидание с сэром Уоми	571

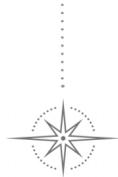

ЧАСТЬ III

Глава I. Приезд в имение Али. Первые впечатления и встречи первого дня	585
Глава II. Второй день в Общине. Мы навещаем карлика. Подарки араба. Франциск	606
Глава III. Простой день Франциска и мое сближение с ним. Злые карлики, борьба с ними и их раскрепощение	627
Глава IV. Я знакомлюсь еще со многими домами Общины. Оранжевый домик. Кого я в нем видел и что было в нем	637
Глава V. Мое счастье нового знания и три встречи в нем	657
Глава VI. Франциск и карлики. Мое новое отношение к вещам и людям. Записная книжка моего брата Николая	671
Глава VII. Записная книжка моего брата	680
Глава VIII. Обычная ночь Общины и что я видел в ней. Вторая запись брата Николая. Мое бессилие перед «быть» и «становиться». Беседа с Франциском и его письма	690
Глава IX. Третья запись брата Николая	701
Глава X. Ночное посещение новых мест Общины с Франциском. Новые люди и мои новые встречи-уроки	714
Глава XI. И. принимает ученого. Аннинов и Беата Скальради. Наставление мне и Бронскому	731
Глава XII. Мы читаем книгу в комнате Али. Древняя сказка	750
Глава XIII. Беседа с И. Мы продолжаем читать сказку. Отъезд Беаты и последнее напутствие ей И. и Франциска	765
Глава XIV. Мои размышления о новой жизни Беаты. Мы кончаем чтение древней книги. Профессор Зальцман	784
Глава XVI. Первые опыты новой жизни профессора. Его беседа с И. Сцены из его прошлых жизней. Франциск и еще раз карлики	801
Глава XVI. Я читаю маленькую книжку Герде. Наш отъезд из Общины. Первый день путешествия по пустыне. Оазис и встречи в нем. Ночь, проведенная у костра. Прощание И. с профессором. Последние его наставления ученому	819

ЧАСТЬ IV

Глава I. Наш отъезд из оазиса. Второй день путешествия по пустыне. Зловещая встреча в ней	839
Глава II. Трапезная. События в ней. Мое новое понимание жизненных путей человеческих	859

Глава III. Первый завтрак в новой столовой. Школа. Я передаю письмо Франциска матери больного ребенка. Помощь И. в моем знакомстве со скитом трудных строптивцев. Старец Старанда и встреча с ним	877
Глава IV. Мои новые знакомства в Общине. Первая неудача во встрече с жителями из оазиса Дартана. Раданда. Часовня Радости. Выполнение поручения Дартана с помощью Раданды.....	898
Глава V. Мы едем встречать Яссу. История его жизни, рассказанная нам И. Встреча с Яссой и необычайное видение в пустыне. Возвращение в Общину и посвящение Яссы. Трапезная. Разговор с Грегором. Две речи И. в трапезной и на балконе	922
Глава VI. Последний утренний завтрак отъезжающих. Напутствие детям. Еще раз Ариадна. Рассказ Мулги о Раданде. Уединенный скит строптивцев. Старанда и Георгий. Беседа И. с Андреевой и Ольденкоттом	944
Глава VII. Беседа И. с Бронским и Игоро. Наставление им к труду в оазисе Дартана. Неожиданная встреча с леди Бердран. Доктор. Ариадна, ее сын и ее трагедия. Вторая беседа И. с Андреевой и Ольденкоттом об их миссии в миру. Последние сборы и отъезд в оазис темнокожих. Первые впечатления от оазиса. Мать Анна	962
Глава VIII. Первый ужин в круглом доме в оазисе матери Анны. Зал и наши сотрапезники. Речи матери Анны и И. Работа И., его наставления и приготовления к встрече бури всего населения оазиса. Маяк. Страшная ночь бури. «Чудо», совершенное И. Мы сходим с маяка. Ясса, его мертвый сон и мое отчаяние. Моя работа у ворот. Собаки-искатели. После бури. Мы посещаем Ольденкотта и Андрееву	983
Глава IX. Мое пробуждение. Как я ищу И. И. на заводе в роли рабочего. Первый обед в оазисе после бури. Беседа И. с сотрапезниками. Владыки оазиса	994
Глава X. Лаборатории стихий. Лучи путей человеческих. Их возглавляющие Великие Учителя, Светлые сонмы невидимых помощников, Их труд для человечества Земли. Неожиданное видение в седьмом луче	1006
Глава XI. Мое пробуждение в комнате с диваном. Возвращение в лабораторию. Беседа в ней с Владыкой. Божественное видение	1025
Глава XII. Второе пробуждение в необычайной комнате Владыки. Что говорит мне живой портрет на стене. Еще одно Божественное видение. Последнее наставление моего Владыки-Учителя. Посещение Владыки-Главы, беседа с ним в его комнате и беседа в святая святых ...	1032
Глава XIII. Башня стихий природы в лаборатории Владыки-Главы. Его объяснения мне и башня стихий в пространстве. Стражи стихий, их труд и роль в передаче творческого вдохновения. Великий Учитель Маха-Чохан. Его роль в мировом труде. Последнее наставление Владыки-Главы мне и Андреевой. Наш выход из лаборатории стихий и новая встреча с И.	1040

Глава XIV. Возвращение к жизни. Еще раз оазис Матери Анны и первое свидание с нею. Новые аллеи и памятники нашей любви и благодарности на них. Закладка часовни «Звучащая Радость»	1054
Глава XV. Беседа И. с жителями оазиса в ночь закладки часовни. Работа И., Василиона и моя над расцветкой статуи и установка ее в часовне. Последняя ночь перед освящением часовни. Деметро и его поручение ко мне. Слова И. при открытии часовни	1070
Глава XVI. Прощальная речь И. обитателям оазиса матери Анны. Приезд в Общину Раданды и первая вечерняя трапеза. Наставление И. отъезжающим и остающимся. Часовня скорби. Отъезд в оазис Дартана Грегора, Василиона, Бронского и Игоро. Отъезд в Америку Андреевой и Ольденкотта	1084
Глава XVII. Еще раз часовня и поселок плачущих. Речь И. плачущим. Мое прощальное посещение часовни Радости. Прощальный вечерний пир в Общине Раданды. Последняя речь И. на нем. Наш отъезд в Общину Али	1103
Вместо эпилога. Путешествие по морю лорда Бенедикта и его спутников на пароходе капитана Ретедли. Новые знакомства обитателей Лондонского особняка с пассажирами первого класса. Размышления Алисы и ее разговор с лордом Бенедиктом о встречах. Разумов и беседы лорда Бенедикта с его группой. Алиса читает тетрадь Венецианца ...	1115